

ПРИДНЕСТРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Т.Г. ШЕВЧЕНКО
Институт истории, государства и права
Научно-исследовательская лаборатория «Археология»

**ДРЕВНОСТИ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
III-II вв. до н. э.**

УДК 902/904"0/03"(082)

Д73

Древности Северного Причерноморья III-II вв. до н. э.

Д73 Международ. науч. конф., Тирасполь, 16-19 окт. 2012 г. / Отв. ред. Н.П. Тельнов. - Тирасполь: Приднестр. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 2012. - 211 с.

Antetit: Приднестр. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, Ин-т ист., гос-ва и права, НИЛ «Археология» - Bibliogr. la sfarsitul art. - 200 ex.

ISBN 978-9975-4062-7-7

В сборнике публикуются материалы Международной научной конференции «Древности Северного Причерноморья III-II вв. до н. э.», проходившей 16-19 октября 2012 г. в Приднестровском государственном университете им. Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь).

УДК 902/904"0/03"(082)

Ответственный редактор

Н.П. Тельнов, канд. ист. наук, доц. зав. НИЛ «Археология» ПГУ им. Т.Г. Шевченко

Ответственный секретарь

В.С. Синика, канд. ист. наук, ст. науч. сотр. НИЛ «Археология» ПГУ им. Т.Г. Шевченко

ISBN 978-9975-4062-7-7

© Авторы статей, 2012
© ПГУ им. Т.Г. Шевченко, 2012

Скифский могильник III-II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования)

Scythian cemetery of the III-II centuries BC near the village of Glineo on the left bank of the Lower Dniester river (preliminary results of the study), fit the article for the first time the preliminary results are presented which concerned the research of the scythian cemetery of the III-II centuries BC near Glineo village. A description of the burial rite and material culture is provided, as well as the chronology of the monument is considered. The materials obtained in the study of the cemetery are regarded to be of particular importance for the renovation of the historical development of the Northern Black sea littoral and South-Eastern Europe in the III-II centuries BC.

Скифский могильник III-II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования). В статье впервые подводятся предварительные итоги исследования скифского могильника III-II вв. до н. э. у с. Глиное. Приводится характеристика погребального обряда и материальной культуры, рассматривается хронология памятника. Особо подчёркивается значение материалов, полученных при исследовании могильника, для реконструкции исторического развития Северного Причерноморья и Юго-Восточной Европы в III-II вв. до н. э.

На протяжении 1995-2012 гг. Днестровской археологической экспедицией (ДАЭ) Приднестровского государственного университета (ПГУ) им. Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь) проводились исследования скифского могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. В 2012 г. работы на могильнике были полностью завершены.

До настоящего времени из печати вышло очень небольшое количество работ, посвящённых характеристике материалов из могильника у с. Глиное. Некоторые из них опубликованы в малотиражных, а потому и труднодоступных изданиях.¹ Необходимо отметить, что из опубликованных статей ни одна не даёт комплексного (хотя бы и краткого) представления обо всей совокупности археологических данных, полученных при раскопках могильника у с. Глиное.

Сложившаяся ситуация объясняется не только многолетним ходом раскопок памятника, а следовательно, и непрерывным накоплением огромного материала, который объективно не позволял делать даже предварительные выводы о могильнике. Приходится также констатировать, что до определённого времени не было возможности вводить в научный оборот результаты раскопок комплексно, поскольку ни одно скифское погребение (не говоря уже о кургане) не было полностью изучено.

Причина подобного состояния заключается в истории исследования могильника у с. Глиное. Начало раскопок этого памятника связано с именем Е.В. Яровой, который, будучи в то время заведующим научно-исследовательской лабораторией (НИЛ) «Археология» ПГУ им. Т.Г. Шевченко и начальником ДАЭ, принял решение об исследовании кургана эпохи бронзы у с. Глиное

высотой 1,5 м и диаметром около 40 м (курган № 1 могильника Глиное). Изучение началось (исследовано 43 погребения), но не было доведено до конца. В результате были исследованы полностью только две центральные траншеи, ещё две - были исследованы частично. В 1996 г. сотрудниками НИЛ «Археология» были обнаружены и исследованы ещё три погребения в кургане. Е.В. Яровой, прекрасно зная о том, что курган 1 не был доисследован в 1995 г., и имея возможности в последующем пользоваться тяжёлой техникой, не предпринял попытки завершить раскопки этой насыпи. Только спустя 17 лет, в 2012 г. работами совместной приднестровско-украинской экспедиции было осуществлено доисследование этого кургана, в результате чего было обнаружено ещё десять погребений.

В этом же, 1995 г., были начаты раскопки первого скифского кургана (№ 2) могильника у с. Глиное. Вся его насыпь была полностью снята бульдозером, однако при этом не были исследованы ни обнаруженный ров, окружавший основное погребение кургана, ни впускная входная яма этого погребения. Только спустя 13 лет, в 2008 г. сотрудникам НИЛ «Археология» удалось доисследовать этот комплекс.

На протяжении 1996-2003 гг. Е.В. Яровой продолжал практиковать не только варварские и антинаучные, но и просто грабительские методы раскопок, опробованные им в 1995 г. Все курганы в это время исследовались вручную, с привлечением значительного количества студентов-практикантов. Несмотря на достаточное количество рабочих на раскопе, сами раскопы представляли собой небольшие квадраты (размерами 4 x 4 м); исследовались только основные погребальные сооружения, содержавшие большую часть находок. Вся остальная подкурганная поверхность изучению не подвергалась, например, рвы, тризны, впускные погребения,

¹ См. работы: (Яровой и др., 1997а; 1997б; Сеника, Алеша, 2000; E.V. Yarovoy and oth., 2000; Яровой, Четвериков, 2000; Четвериков, 2002; Четвериков, Сеника, 2002; Сеника, 2004а; 2004б; 2011а; 2011б; 2012).

культовые сооружения. При этом особый цинизм ситуации заключался в том, что не раскапывались впускные входные ямы, дромосы которых были видны из погребальных камер. Нередко доходило до анекдотических случаев: в ряде курганов (1996-1998 гг.) не были исследованы основные погребения для насыпей, и это притом, что впускной характер уже исследованных захоронений не вызывал сомнения; раскопки одного из курганов «глинянской аристократии» завершилось после «взятия» входной ямы, в которой был обнаружен богатый инвентарь, а погребальная камера и прилегающая к ней впускная входная яма остались не исследованными ввиду «трудоемкости процесса» (2001 г.); в одном из курганов после «взятия» основного погребения через пролом в стене камеры была расчищена погребальная камера впускного погребения, однако ни его входная яма, ни дромос исследованы не были (2001 г.). Перечисление подобных «деяний» можно продолжать, однако, подытоживая «раскопки» Е.В. Ярового на протяжении 1995-2003 гг., необходимо констатировать следующее: 1) Е.В. Яровым были начаты исследования 76 курганов;² 2) ни один из курганов могильника Глиное не был полностью исследован, а значит, не был исследован вообще; 3) Е.В. Яровым ни разу за годы раскопок не были написаны отчёты, не велась и вся остальная полевая документация; 4) весь полученный в ходе раскопок материал был практически полностью «дезорганизован» (не зашифрован, не описан, перемешан (например, бусы из различных комплексов, другие украшения и др.), не реставрирован, не зарисован), некоторые вещи из могильника были «утрачены» (раздавались на сувениры). Рекультивация почвы после проведения раскопок не проводилась. Страшная картина обезображенного поля годами оставалась перед жителями села и нашла отражение даже на спутниковых снимках.

После увольнения Е.В. Ярового «по собственному желанию» в 2003 г. принимается решение о продолжении исследований курганного могильника у с. Глиное, причём приоритет отдаётся доисследованию курганов, раскопки которых были начаты при Е.В. Яровом. Раскопки новых насыпей проходят в крайне ограниченных масштабах, как правило, по несколько насыпей в год. Ставится основная цель - минимизация последствий деятельности Е.В. Ярового для археологической науки, которая осуществляет-

² Исследования курганов №№ 66-76 проходили в 2002 г. и 2003 г. В 2002 г. экспедиция не была открыта, однако раскопки проводились в связи с проходившей в этом году в г. Тирасполь Международной археологической конференцией. В 2003 г. в июле Е.В. Яровой распустил студенческую археологическую практику в качестве своеобразного ответа на «гонения» со стороны руководства ПГУ им. Т.Г. Шевченко. Т.о. даже формальное участие Е.В. Ярового в раскопках 2002-2003 гг. является сильно преувеличенным мифом.

ся не только путём доисследования курганов, раскапывавшихся в 1995-2003 гг., но и воссозданием всей полевой документации, в том числе и полевых отчётов, а также поэтапной и полной обработке всех ранее обнаруженных находок.

В 2004 г. были раскопаны шесть курганов - №№ 77-82; 2005 г. полностью посвящается систематизации ранее полученных материалов, полевые исследования на могильнике не проводятся; в 2006 г. доисследованы 11 курганов - №№ 66-76, раскопаны два новых - №№ 83 и 84; в 2007 г. доисследованы 34 кургана - №№ 31-60, 62-65, раскопаны семь новых - №№ 85-91; в 2008 г. доисследованы 30 курганов - №№ 2-30, 61, раскопаны пять новых - №№ 92-96; в 2009 г. раскопаны четыре новых кургана - №№ 97-100; в 2010 г. исследован один новый курган - № 101; в 2011 г. раскопаны восемь новых курганов - №№ 102-109; в 2012 г. доисследован курган № 1, а также раскопаны шесть новых - №№ 110-115, на чём исследование могильника у с. Глиное было завершено.

Необходимо особо подчеркнуть, что в результате доисследований курганов, частичное изучение которых было начато при Е.В. Яровом (но не Е.В. Яровым!) было обнаружено и доисследовано 140 археологических объектов, из которых: рвов - 8, окологурганная выемка - 1, ритуальная яма - 1, погребений - 34, впускных входных ям - 21, погребальных камер - 2, грабительский ход - 1, индивидуальных находок на древнем горизонте/в насыпи - 5, тризн на древнем горизонте/в насыпи - 77. Все эти цифры, по нашему мнению, очень точно характеризуют тот объём научной информации, который, весьма вероятно, мог бы быть утерян для науки, а также «методику» раскопок Е.В. Ярового.

Настоящая работа призвана дать первое комплексное представление о скифском могильнике у с. Глиное, функционировавшем в III-II вв. до н. э. в Поднепровье.

Географическое и топографическое положение

Могильник расположен на левобережье Нижнего Днестра, на северной окраине с. Глиное Слободзейского района, слева от трассы Тирасполь - Днестровск, на плато второй надпойменной террасы р. Турунчук (рукава р. Днестр). К началу исследований сохранилась только северная часть могильника длиной ок. 1,5 км в меридиональном направлении и шириной ок. 0,35 км - в широтном. Таким образом, раскопки были проведены на площади около 52,5 га. Южная часть могильника в настоящее время находится под жилыми домами с. Глиное и в своей большей части недоступна для исследования.³

³ На территории приусадебных участков с. Глиное к настоящему времени сохранилось несколько отдельных насыпей могильника.

Характеристика источников ой базы

За 18 лет работ на могильнике были изучены 115 курганных насыпей, 113 из которых были сооружены в скифское время, и только две - в эпоху бронзы (курганы №№ 1 и 110). В 113 скифских курганах исследовано 181 скифское погребение.

Погребальные сооружения и обряд

Все погребения⁴ могильника у с. Глиное курганные. О курганном обряде захоронения свидетельствуют сохранившиеся к моменту раскопок насыпи, рвы, а также характер заполнения впускных входных ям и входных ям впускных катакомб (мешаное заполнение из глины и чернозёма, которое образовывалось при засыпке ям, впущенных через чернозёмную насыпь). Среди погребений преобладают основные для насыпей (113), остальные погребения (68) являлись впускными. О неоднократности совершения захоронений в курганах могильника у с. Глиное свидетельствуют не только впускные погребения, но и впускные входные ямы, а также практика подзахоронения через основную и единственную (для основных погребений) или основную (для впускных погребений) входную яму.

Единственным видом погребального сооружения, известным на могильнике у с. Глиное, является катакомба. Катакомбы представлены пятью основными типами (I, II, III, V, VI) по классификации В.С. Ольховского (1991, 26-28) и четырьмя типами комбинированных катакомб (II + I, III + I, III + V, V + I). Абсолютно доминируют катакомбы III и V типов, довольно редки катакомбы I типа, остальные типы встречаются крайне редко или вообще единичны.

Только в одном случае из 181 вид погребального сооружения установлен не был.

Среди конструктивных элементов катакомб отмечены: забутовка ямы, побелка стен ямы, ступени в ямах, ниши в стенах ямы, выемки у входа в дромос и заплечики вдоль длинных стен входной ямы, заклад входа в дромос/в погребальную камеру, ниши в стенках камер, деление камеры на две зоны, ямка в полу камеры.

Отдельное место среди конструктивных элементов катакомб занимают орнаменты над входом в дромос, собственно дромосов и погребальных камер. Особое положение этих элементов обусловлено тем, что они предназначались либо для дополнительного выделения элемента конструкции (орнаменты над входом в дромос), либо для имитации определённой конструкции (орнаментация дромосов и погребальных камер).

⁴ Здесь и далее речь идёт только о скифских погребениях, поскольку в скифских курганах могильника у с. Глиное были исследованы и впускные инокультурные захоронения - несколько сарматских, одно гуннское и ряд позднекочевнических.

Орнаменты над входом в дромос зафиксированы в 32 катакомбах могильника у с. Глиное. Они представляют собой прочерченные в виде желобков линии, реже полные фигуры или их части, а также различные их сочетания, наносившиеся острым инструментом на стену входной ямы, в которой устраивался вход в дромос, непосредственно вокруг него и над ним. Единственной близкой аналогией орнаментам над входом в дромос катакомб могильника у с. Глиное, известной авторам настоящей работы, является изображение в виде буквы «А» с небольшим вертикальным отростком, опускающимся вниз от горизонтальной линии буквы. Этот знак был прочерчен желобками на южной стене впускной входной ямы погребения 1 кургана 1 группы IV у с. Первомаевка на Херсонгине (Евдокимов, Фридман, 1991, 85, рис. 10/3). Вопрос о семантике этих орнаментов на настоящий момент представляется наиболее сложным: они могли быть и магическими символами, предназначенными для охраны умерших, и клановыми или родовыми знаками (своего рода «тамгами»), и просто декоративным элементом, украшавшим вход в дромос.

Орнаментация дромосов и погребальных камер встречена на могильнике у с. Глиное в 27 катакомбах. Орнаменты дромосов и погребальных камер выполнялись острым инструментом и представляют собой различные сочетания горизонтальных и вертикальных линий на сводах и торцевых стенах сооружений, в совокупности имитирующие каркас жилой постройки или повозки. В отличие от орнаментов над входом в дромос, орнаментация погребальных камер в виде каркасных конструкций была неоднократно зафиксирована в скифских погребальных комплексах Степи и Лесостепи (Шкадышек, 1910, 92; Мелюкова, 1962, 122, 134-136, табл. 5/16, 7/8, 8/1,5,7, 9/6; Черненко, 1967, 185, 189; Бидзиля и др., 1977, 142, рис. 33; Бокш, 1977, 70, рис. 5/6,7; Евдокимов, Фридман, 1991,85, рис. 10/2; Ольховский, 1991, 33; Плешивенко, 1991, 68; Евдокимов, 1992,146, рис. 8/1; Куприй, 1993, 32, 34, рис. 1/3, 2/1; 1994, 107; 2009, 85, 87-88;). Необходимо констатировать, что традиция имитации каркасных конструкций зарождается в Северном Причерноморье, по крайней мере, в V в. до н. э. Наличие подобных имитаций в III-II вв. до н. э. в скифских погребениях на левобережье Нижнего Днестра является одним из свидетельств преемственности классической скифской культуры и культуры позднескифской.

К элементам погребальной обрядности, фиксируемым в катакомбах, относятся погребения зависимых лиц, лошадей и собак во входных ямах, погребение кошки в камере, подмазка зелёной глиной, меловая подсыпка на дне дромосов и камер, угли и кострища во входных ямах и дромосах, канавки в дне погребальных камер.

Все погребения на могильнике у с. Глиное были совершены по обряду ингумации. Характер захоронений, совершённых на могильнике у с. Глиное, различается. Исследован единственный кенотаф в катакомбе III типа. Более половины всех остальных погребений были одиночными; парные погребения встречаются довольно редко; коллективные - крайне редко. Значительное распространение получили асинхронные погребения: ими являются около трети всех погребальных комплексов. Подзахоронения в погребальную камеру чаще всего совершались через впускную входную яму и значительно реже - через основную входную яму (путём извлечения из неё заполнения и последующей вторичной засыпки).

Поза погребённых установлена для 80% погребённых на могильнике. В остальных случаях отмечено полное или частичное разрушение скелетов при подзахоронениях или, реже, при ограблениях. Абсолютно преобладает вытянутое положение на спине. Скорченное положение отмечено только для трёх погребённых, причём во всех комплексах, где была выявлена подобная поза, она являлась не следствием заранее запланированных обрядовых действий, а результатом определённых обстоятельств - несоответствия размеров погребальной камеры длине тела и др.

Ориентировка установлена для подавляющего большинства погребённых (ок. 95%). Абсолютно доминирует северный полукруг (82,5%), значительно более редок южный (10%), что обусловлено ориентировкой длинной оси погребальных камер катакомб III, V и производных от них типов. Широтная ориентировка встречается значительно реже и включает западное (6%) и восточное (1,5%) направление, соответствуя ориентировке длинной оси погребальных камер катакомб I и II типов.

Тело погребённого, как правило, укладывали на подстилку (более 90%) из травы или из шкуры животного и, крайне редко, из камыша. Изредка использовались настилы из деревянных плах и коры. Дважды отмечены деревянные гробовища (ящички), которые устанавливались в погребальных камерах катакомб. Единожды зафиксировано материковое «ложе», представлявшее собой прямоугольное возвышение, оставленное в материковой глине в центре камеры. Ложе было разделено на две части: меньшая часть имела ровную поверхность и предназначалась для размещения посуды, а большая имела корытообразную форму и была устроена для тела погребённого. Два раза отмечена подсыпка дна камеры материковой глиной, что, вероятно, имитировало материковое ложе.

Нередко в погребениях могильника под голову погребённого укладывали «подушку» (более 20 случаев), как правило, из травы, однако по

разу отмечены подушки из войлока, рыхлой материковой глины и даже в виде каменной плитки.

Погребальный инвентарь на могильнике у с. Глиное представлен всеми категориями - оружием, конским снаряжением, орудиями труда, предметами быта и хозяйственного обихода, посудой, украшениями, деталями и аксессуарами костюма, предметами туалета и культа. Среди всех погребальных комплексов выявлено менее десяти безынвентарных.

Оружие находилось более чем в 65% погребений могильника.

Самым распространённым видом вооружения являются наконечники стрел, причём абсолютно доминируют железные (более 90%) трёхлопастные втульчатые. Остатки кожаных и берестяных колчанов зафиксированы более 20 раз. Нередко для крепления колчана использовались колчаные крючки, которые были обнаружены в 40 захоронениях.⁵ К предметам снаряжения лучника, выявленным на могильнике у с. Глиное, относятся и железные колчаные шилья (20 экз.), четырёхгранные и округлые в сечении. Единственной известной нам аналогией является «железный стержень» с утолщением в центральной части, ромбический в сечении, обнаруженный справа в ногах вместе с наконечниками стрел из колчанного набора в скифском погребении 1 кургана 27 у с. Головкивка в верховьях Ингульца (Полин и др., 1994, 16, 17, рис. 24/11). Дважды на могильнике были найдены железные пряжки с округлыми рамками и подвижным язычком, которые служили застёжками портупейного ремня. Аналогичные изделия известны только в Подонье в скифских курганах V-IV вв. до н. э. (Савченко, 2004, 241, 242, рис. 29/1,2), а также в кургане 13 у с. Львово на Херсонщине (Евдокимов, 1992, 142, рис. 5/3) и в Толстой Могиле (Мозолевский, 1979, 101-123, рис. 87, 106/6).

Боевые топоры и копья делят второе место по распространённости среди видов вооружения на могильнике, однако они встречаются довольно редко - не более чем в 15 захоронениях каждый. Дротики обнаружены только в четырёх погребениях и представлены пятью находками.

Защитное вооружение представлено только щитами, три из которых были легкими, деревянными, а четвёртый был изготовлен из дерева и железных скоб.

Конское снаряжение является довольно распространённой категорией погребального инвентаря в захоронениях скифского могильника у с. Глиное. Оно выявлено в четверти всех по-

⁵ Это не исключает и иного функционального предназначения данных крючков, что подтверждается и материалами могильника у с. Глиное. Предположение о многофункциональности использования подобных крючков уже высказывалось (Гуляев, 1969, 127; Ольховский, 1999, 1985; Савченко, 2004, 229).

гребальных комплексов и представлено всеми основными видами: удилами, псалями, трензельными кольцами, подпружными и уздечными пряжками, уздечными обоймами, а также налобниками, пронизьями, перстневидными бляхами, фаларами (бляхами) и бусинами.

Орудия труда наиболее многочисленны и представлены железными ножами, глиняными пряслицами и фрагментами веретён, железными шильями и иглами, различными абразивными инструментами. Особое место среди орудий труда занимают «затиральники» - разнообразные орудия из кости и камня, которые использовались и для орнаментации погребальных камер короткой стороной, и для заглаживания и затирки стен сооружения длинной - поскольку они являлись не погребальным инвентарём, сопровождавшим умершего, а строительным.

Предметы быта представлены большим количеством светильников (бронзовый, гончарные, лепные) и единственным железным канделябром.⁶

Посуда обнаружена более чем в 75% погребений могильника. Тарная посуда представлена исключительно амфорами, кухонная - очень редка (лепные горшки и бронзовый котёл⁷). Наиболее распространена столовая посуда, она обнаружена более чем в 70% всех погребений: гончарные, лепные и деревянные миски; гончарные и лепные чашки; гончарные и лепные кувшины; лепные чаши (округлодонные), гончарный канфар и лепной поильник.

Украшения встречаются в 80% захоронений: бусы из стекла, фаянса, кости, янтаря, золота, серебра, бронзы и глины; бронзовая и стеклянные подвески; стеклянный бисер; золотые, бронзовые и стеклянные пронизы; браслеты из бус, бронзовые и железные браслеты; золотые, серебряные и бронзовые серьги; золотые, серебряные и бронзовые височные кольца; бронзовые и железные перстни; золотые, серебряные и бронзовые кольца.

Особо необходимо отметить, что в некоторых захоронениях могильника у с. Глиное сохранились детали костюма, а именно головные уборы (начельные повязки и шапки) и фрагменты обуви.

Аксессуары костюма в погребальных комплексах скифского могильника у с. Глиное представлены фибулами, ворворками и застёжками. Фибулы ранне- и среднелатенской конструкции известны почти в 40% погребений. Глиняные, деревянные, костяные, свинцовые, бронзовые и серебряные ворворки встречаются гораздо реже. Пара уникальных по своей кон-

струкции серебряных застёжек происходит из детского погребения, где они использовались, вероятно, для фиксации погребального покрытия.

Предметы туалета довольно редки на могильнике. Это бронзовые зеркала и туалетные сосуды - унгентарий и амфориск.

Предметы культа и следы культовых действий обнаружены более чем в 60% погребений могильника у с. Глиное. Они представлены лепными курильницами с гальками внутри, каменными плитами, камнями и фрагментами сосудов, амулетами и раковинами, оленьим рогом, панцирем черепахи, а также реальгаром, охрой и серой.

Жертвенная пища является неотъемлемой чертой погребального обряда могильника. Она зафиксирована не менее чем в трёх четвертях всех захоронений и, как правило, помещалась в миску вместе с железным ножом.

Намогильные, подкурганые, внекурганые сооружения и Сугеди ритуальных действий

Единственным намогильным сооружением на глинянском могильнике является насыпь. Только в десяти курганах были прослежены насыпи в рельефе. Их высота варьировала от 0,45 м до 0,95 м.⁸ Абсолютное большинство курганных насыпей (93) на момент исследований не прослеживалось в рельефе: значительная часть из них была уничтожена плантажной распахкой, другая - при строительстве водонакопительного бассейна, школы и тракторной бригады, расположенных на территории могильника. Во всех этих случаях, когда насыпи не прослеживались в рельефе, курганы фиксировались по серому или желтовато-серому пятну на пахоте, когда распахивался выкид из основного и впускных погребальных сооружений. Вместе с тем, нет никаких оснований считать все эти комплексы бескурганными, о чём упоминалось выше.

Подкурганскими сооружениями на могильнике являются выкиды из погребальных сооружений и ритуальные ямы. Выкиды представляют собой излишки материковой глины вследствие неполного засыпания погребальной камеры катакомбы даже в том случае, если вход в дромос специально не перекрывался закладом. На могильнике у с. Глиное выкиды всегда связаны с основными для насыпей захоронениями и маркируют уровень древнего горизонта.

Единственным внекурганым сооружением, исследованным на могильнике у с. Глиное, является ров. Он был зафиксирован в 15 курганах, что

⁶ Подробнее о светильниках и канделябре см. (Синика, 2012, 268-270).

⁷ Сам котёл был вынесен грабителями из погребальной камеры, однако его наличие было отмечено отпечатком ножки и множеством костей животных, покрытых окислами бронзы.

⁸ Самой большой на настоящий момент скифской насыпью III в. до н. э. в Поднестровье является насыпь кургана 2 группы «Чобручи-источник», исследованного в 2000 г., высотой 1,5 м от древнего горизонта (Четвериков, Синика, 2009, 204, рис. 1/3)

составляет всего 14Д5 % от общего числа. Все рвы кольцевые, особый интерес представляют два рва с восемью разрывами, или восьмисегментные. Подобный ров, насколько известно авторам настоящей работы, был исследован только в кургане у г. Геническа. Он был окружён обычным рвом с двумя разрывами, причём оба рва были сооружены одновременно вокруг основного погребения кургана (Кубышев, Саенко, 1991, 154, рис. 1/1).

Следами ритуальных действий традиционно считаются тризны в насыпях курганов, тризны на уровне древнего горизонта и тризны во рвах. Первые из них В.С. Ольховский связывает с надмогильными, вторые - с подкурганскими, а третьи - с внекурганскими сооружениями (Ольховский, 1991, 183, приложение 1). На могильнике у с. Глиное вследствие уже упоминавшейся степени сохранности насыпей нет никакой возможности установить, проводилась ли тризна на уровне древнего горизонта, либо позже во время возведения насыпи. Тризна во рвах, безусловно, относится к данным внекурганским сооружениям, однако и в этом случае ни разу не было установлено, когда именно (во время совершения погребения или спустя какое-то время) она проводилась.

Хронология

Количество надёжных, т.е. достаточно точных хроноиндикаторов, которые позволяют получить абсолютную дату погребений могильника у с. Глиное, крайне малочисленно. К ним относятся, в первую очередь, амфорная тара и данные эпиграфики, во вторую - гончарные чашки и светильники, а также единичные находки канфара и амфориска. Эти хроноиндикаторы позволяют применить прямой метод датирования погребальных комплексов могильника у с. Глиное. Корреляционный метод датирования используется применительно к большинству захоронений могильника, в которых обнаружены предметы, встречающиеся в погребениях с керамическими хроноиндикаторами и являющиеся своего рода хронологическими маркерами второго порядка - фибулы и, крайне редко, серый. Некоторые типы фибул достаточно уверенно датируются на основании различных керамических хроноиндикаторов; другие - на основании иных идентичных предметов, встречающихся как в погребениях с амфорным материалом, так и собственно с тем или иным типом фибулы. При датировании определённых типов фибул, когда нет возможности применить ни прямой, ни корреляционный способ, используется типологический метод, предполагающий использование схемы развития различных типов от простых к более сложным. В некоторых случаях основанием для датировки комплексов являлись

аналогичные элементы декора, встречающиеся на различных предметах, например, «восьмёрки» на фибулах и серьгах.

Анализ хроноиндикаторов из погребений могильника у с. Глиное позволяет не только установить его нижнюю (рубеж IV-III вв. до н. э.) и верхнюю (вторая-третья четверти II в. до н. э.) даты, но и выделить на основании узко датированных погребальных комплексов три этапа функционирования могильника: ранний - рубеж IV-III вв. до н. э. - первая половина III в. до н. э., средний - вторая половина III - первая четверть II в. до н. э., и поздний - вторая-третья четверти II в. до н. э.

Хронология могильника у с. Глиное однозначно свидетельствует о том, что скифская степная культура, которая на Нижнем Днестре появляется в VI в. до н. э. и существует в V-IV вв. до н. э., не исчезает и позже, продолжая своё непрерывное развитие до середины - третьей четверти II в. до н. э.

Инокультурные влияния на погребальный обряд и материальную культуру

Материалы, полученные при исследовании могильника у с. Глиное, позволяют с достаточной уверенностью фиксировать греческий, фракийский и латенский элементы, отложившиеся на погребальном обряде и материальной культуре нижнеднестровских скифов.

Греческое влияние на погребальный обряд наиболее отчётливо проявляется на примере устройства сырцовых закладов входов в дромос катакомб и помещения в камерах, как правило, в специальные ниши, светильников, которые имитировали греческие образцы. Другие элементы обрядности и категории материальной культуры, происхождение которых аргументированно связывается с греческими импульсами, фиксируются на могильнике у с. Глиное изредка либо в единственном случае/экземпляре (Синика, 2012).

Соседство с фракийскими племенами на могильнике у с. Глиное нашло своё отражение в единственном предмете вооружения (двулезвийном топоре), немногих украшениях (браслеты со змеиными головками на окончаниях, браслеты с лопаточковидными окончаниями, серый с коническими шишечками на окончаниях), но наиболее выражено в керамическом комплексе (профилировка сосудов и различные элементы декора).

Элементы латенской материальной культуры Центральной и Восточной Европы также достаточно уверенно фиксируются на могильнике у с. Глиное. Крайне редко это заметно в украшениях (браслет с выступами на стержне, серый с поперечными «восьмёрками»), аксессуарах костюма (единственная ворворка с выступами на

тулове) и предметах конского снаряжения. Появление большинства крючков-застёжек и всех фибул, обнаруженных на могильнике, безусловно, следует связывать не только с влиянием латенских и «латенизированных» культур Восточной Европы на скифов степей Северо-Западного Причерноморья, но и с проникновением их носителей непосредственно в Нижнее Поднестровье (Кривенко и др., 2011; Синика, 2011б).

Несмотря на наличие указанных инокультурных влияний, которые более или менее отчётливо прослеживаются, скифские основы погребального обряда и материальной культуры скифского могильника у с. Глиное представляются очевидными и бесспорными.

Значение могильника у с. Глиное для истории Северного Причерноморья и Юго-Восточной Европы

Наиболее значимым итогом исследований могильника у с. Глиное стало получение уникального объёма археологической информации.

Поразительная степень сохранности катакомб, а также непотревоженность большинства из них, предоставили возможность собрать наиболее представительные в настоящее время коллекции различных предметов (вооружение, конское снаряжение, орудия труда и предметы быта, посуда, украшения, аксессуары и детали костюма, предметы туалета, предметы культа), которые позволяют, во-первых, однозначно констатировать скифскую принадлежность погребальных комплексов, а во-вторых, не только детально реконструировать материальную культуру, быт, хозяйство и экономику скифов III–II вв. до н. э. в Поднестровье, но и, впервые, получить о них достоверное представление. В равной степени это относится и к антропологической, зоологической и иным коллекциям, которые, безусловно, станут основой для демографических и прочих исследований.

Не менее важным является обнаружение в погребальных комплексах могильника у с. Глиное достаточного количества хроноиндикаторов, бесспорно свидетельствующих о продолжении существования скифской степной культуры в III–II вв. до н. э. в Поднестровье. Эти же хроноиндикаторы позволяют внести значительный вклад в развитие хронологии, во-первых, различных керамических, а во-вторых, ранне- и среднелатенских импортов Северного Причерноморья.

Совокупность данных о погребальном обряде и материальной культуре отчётливо фиксирует инокультурные влияния на погребальный обряд и материальную культуру скифов, проживавших в III–II вв. до н. э. в Поднестровье.

Материалы, полученные при исследовании могильника у с. Глиное, позволяют пересмотреть некоторые взгляды на хронологию погребаль-

ных комплексов в Нижнем Поднестровье, известных под названием «скифские курганы Тираспольщины» (Мелюкова, 1962), а также целого ряда других аналогичных (причём не только из Поднестровья). В настоящее время нет никаких сомнений, что скифская степная культура на Нижнем Днестре не только не угасает в конце первой четверти или трети III в. до н. э., но и продолжает развиваться бурными темпами, по крайней мере, до конца третьей четверти II в. до н. э. Необходимо констатировать, что количество скифских погребений III–II вв. до н. э. в Поднестровье (могильник у с. Глиное, скифские курганы Тираспольщины III–II вв. до н. э., целый ряд иных скифских захоронений - более 230) сравнимо с общим количеством захоронений, оставленных скифами за три предшествующих столетия пребывания в степном Поднестровье (VI–IV вв. до н. э. - немногим более 250).⁹

Также в III–II вв. до н. э. в Нижнем Поднестровье активно функционируют памятники оседлого населения, крупнейшими из которых являются поселения Чобручи¹⁰ и Красное (Синика и др., 2012). Ближайшими соседями скифов и, безусловно, их торговыми и культурными партнёрами в Молдавской лесостепи в III–II вв. до н. э. являлись племена гетов,¹¹ а на черноморском побережье - жители греческой колонии Тиры (Самойлова, 1988, 42–68, 105) и различных посёлков, расположенных по берегам Днестровского лимана (Синика и др., 2012, 199).

В связи с этим приходится признать, что никаких хронологических «пробелов», «лакун», «хиатусов» в исторической картине Степного Поднестровья в III–II вв. до н. э. просто не было.

Однако, по господствующим в настоящее время представлениям, скифы по неизвестной причине (сарматская экспансия из-за Дона; экспансия кельтов или галато-германцев из Карпато-Дунайского бассейна; экономический фактор; аридизации степной зоны) сокращают ареал своего обитания до Добруджи, Нижнего Днестра, Крыма, Нижнего Днепра, образовав там свои Малые Скифии (Мелюкова, 1989, 35; Андрух, 1994; 1995, 96–161; Алексеев, 2003, 251; Бруяко, 1999а, 331; 2009, 362–363).¹² Необоснованность сарматской, галато-германской и гибридной (экспансия сарматов с востока и кельтов с запада)

⁹ Подсчёты авторов работы, в которых использовались данные за всё время исследований археологических памятников в Степном Поднестровье. Допускается минимальная погрешность, которая не может превышать десяти погребальных комплексов.

¹⁰ См. статьи С.А. Фидельского, В.И. Каца, М.В. Иватченко в настоящем сборнике.

¹¹ См. статью А. Заноча в настоящем сборнике.

¹² Нижнеднестровская Малая Скифия была выделена совсем недавно. Можно, по крайней мере, удивиться, как И.В. Бруяко, при отсутствии сколь-нибудь существенного объёма опубликованного материала о могильнике у с. Глиное, удалось это сделать (Бруяко, 2009). Остаётся только предполагать исключительный дар научного предвидения.

версий «кризиса III в. до н. э.» подтверждается отсутствием в степях Северного Причерноморья от Дуная на западе до Дона на востоке сарматских погребальных комплексов, которые датируются ранее, чем рубежом эр, и тем более кельтских, которых нет вообще, что уже неоднократно подчёркивалось в литературе (Виноградов и др., 1997, 102; Бруяко, 1999а, 328; 1999б, 84; 2009, 355-357). Экономическая версия (связь хлеботорговой политики Египта с экономической ситуацией в Северном Причерноморье) ещё менее состоятельна, чем все предыдущие, поскольку «хлебная» ситуация в Северном Причерноморье напрямую не затрагивала варварскую среду, хотя и сказывалась на ней опосредованно (Бруяко, 1999б, 88-91).

Также уже сейчас необходимо признать несостоятельную климатическую версию причины «кризиса III в. до н. э.» - климатические изменения приводят к аридизации степной зоны, вследствие чего происходят значительные изменения в хозяйственной деятельности скифов, а также в географии их расселения (Полш, 1984, 28-31; 1992; Иевлев, 1989; Крыжицкий и др., 1989, 96; Алексеев, 1992, 141-142). Представляется невероятным, чтобы степные пространства Северного Причерноморья внезапно опустели в результате засухи, за исключением бассейна р. Днестр. Общеизвестно, что бассейны Дуная, Южного Буга, Днепра и Дона намного более полноводны и обладают значительно большими природными ресурсами, причём как в своей степной части, так и в лесостепной, в связи с чем они не могли быть менее привлекательными для скифов в III-II вв. до н. э., чем бассейн Днестра.

Таким образом, не отрицая того, что в конце первой четверти или трети III в. до н. э. произошли какие-то военно-политические события, повлиявшие на весь ход дальнейшей истории в Северном Причерноморье (прекращение строительства скифами царских курганов и курганов высшей аристократии; спад экономического развития или прекращение функционирования греческих и варварских поселений и т.д.), мы считаем, что историческое развитие степей Северного Причерноморья в III-II вв. до н. э. продолжалось при абсолютной доминанте скифской культуры от Дуная на западе до Дона на востоке. Проблема заключается в том, какие из погребальных и поселенческих памятников этого времени нам известны и могут быть отнесены к скифской культуре. С запада на восток картина скифского присутствия нам представляется следующим образом.

На левобережном Подунавье со значительной долей вероятности к III-II вв. до н. э. относится ряд скифских погребальных памятников - могильники Кугурлуй, Дербент и Градешка (Редина, 1989, 31-32; 1993; 2000, 28; Бруяко, 2009,

331-333). Скифское присутствие в Добрудже отмечено до I в. до н. э. включительно (Андрух, 1994, 152-153; 1995, 146-147).

Существование скифской культуры в III-II вв. до н. э. в Поднепровье очевидно как на основании материалов, полученных при исследовании могильника у с. Глиное, так и целого ряда других скифских погребальных комплексов региона.

Намного сложнее обстоит дело с Побужьем, где в III-II вв. до н. э. продолжают функционировать греческие памятники - Ольвия и её некрополь (Парович-Пешикан, 1974; Папанова, 2006), а также поселения и могильники её хоры (Крыжицкий и др., 1989). Скифские памятники этого времени неизвестны.

В Крыму наличие памятников III-II вв. до н. э., равно как и более позднего времени, никогда не подвергалось сомнению.

Присутствие скифов в Поднепровье в III-I вв. до н. э. фиксируется целым рядом городищ несмотря на различные точки зрения относительно нижней и верхней хронологических границ их существования (Бруяко, 2009, 352). Однако мы сталкиваемся с проблемой отсутствия скифских погребальных комплексов этого времени. Безусловно, подобная ситуация может объясняться только состоянием фонда археологических источников региона (просто не исследованы¹³) или степенью их изученности (не выделены из уже исследованных). Это в полной мере может относиться и к Побужью, расположенному между регионами, где присутствие скифов в III-II вв. до н. э. зафиксировано археологически (Поднепровье на западе, Поднепровье на востоке и Крым на юго-востоке).

В Подонье, наиболее восточном регионе северопричерноморских степей, присутствие скифского населения фиксируется, по крайней мере, в III в. до н. э., а вероятно, и позже.¹⁴

Возвращаясь к материалам из раскопок могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра, необходимо затронуть ещё одну проблему, которая имеет очень важное значение для понимания исторического развития Северного Причерноморья и, шире, Юго-Восточной Европы. Эта пресловутая проблема этнокультурной идентификации и хронологической атрибуции так называемых «странных» комплексов - кладов, в составе которых фиксируются предметы вооружения (наконечники стрел, наконечники и втулки копий, шлемы, панцирь), конской упряжи (удила, псалии, ворворки, подпружные пряжки, налобники, фалары/бляхи, перстне-

¹³ Здесь представляется немаловажным тот факт, что курганные могильники скифов III-II вв. до н. э. могли остаться без внимания во время крупномасштабных новостроечных археологических работ 60-80-х гг. XX в. по причине своей «невывраженности» в рельефе.

¹⁴ См. статью В.П. Глебова в настоящем сборнике.

видные бляхи узды, кольцевидные пронизи, крупные бусины и др.), посуда (керамические сосуды - амфоры, чернолаковые и лепные сосуды, металлические сосуды - котлы, ситулы, чаши, а также изделия из некоторых других материалов) и некоторые детали поясной гарнитуры (пряжки латенских типов) (Зайцев, 2008; там же см. литературу). География распространения подобных кладов довольно широка и охватывает в настоящее время территорию от Болгарии и Румынии на западе до левого бережного Подонья на востоке (Зайцев, 2007, рис. 1; Сергацков, 2009). Количество кладов постоянно увеличивается, а их топография уточняется,¹⁵ в связи с чем вопрос об их культурной атрибуции по-прежнему актуален.

Некоторые исследователи считали их позднескифскими, другие - кельтскими; позже появилась точка зрения, что все эти клады являются сарматскими. В настоящее время оформилась позиция, согласно которой эти клады относят к позднескифским (Зайцев, 2008, 147; там же см. литературу). В литературе уже ставился вопрос о культуре вотивных кладов как о степной позднескифской (Зайцев, 2007, 266), а также о том, что наиболее результативно сопоставление этих кладов с «Тираспольской группой курганных могильников» (Зайцев, 2008, 149-150).

Однако только комплексное изучение материалов из могильника у с. Глиное позволяет нам безоговорочно связывать их с позднескифской культурой. В частности, в погребальных комплексах могильника были обнаружены практически все составляющие кладов - вооружение, конское снаряжение, посуда и пряжки латенских типов. Исключение составляют только шлемы и ситулы, а также некоторые редкие в составе кладов вещи - панцирь, металлические и стеклянная чаша. Все эти вещи, безусловно, были достаточно дорогими импортными изделиями, а шлемы и ситулы могли использоваться и использовались как ёмкости для помещения в них содержимого кладов, что объясняет их отсутствие в захоронениях могильника у с. Глиное. Абсолютная идентичность (наконечники стрел, копий, ворворки, некоторые колчанные/поясные крючки/пряжки, удила, S-видные псалии, налобники с крючком с ассиметрично-ромбической лопастью) или полная генетическая преемственность (крестовидные псалии, подпружные пряжки, налобники с крючком с топовидной лопастью, перстневидные бляхи узды, кольцевидные пронизи, крупные бусины и др.) большинства предметов вооружения и конского снаряжения и образцов IV в. до н. э. не оставляют никаких сомнений относительно их скифской принадлежности. Только некоторые предметы, очевидно, происходят

из нескифской среды: греческие керамические импорты; набор блях с изображением человеческих лиц, происхождение которых обосновано связывается с влиянием латенской культуры (Мордвинцева, 2001, 112-113), как и целый ряд колчанных/поясных крючков латенских типов. Заметим, что так же, как инокультурные влияния, отмеченные на могильнике у с. Глиное, не могут поколебать его этнической основы, так и греческие и латенские импорты не могут изменить скифской принадлежности указанных кладов.

Очень важно, что на могильнике у с. Глиное предметы, идентичные или аналогичные обнаруженным в кладах, имеют точную датировку, которая в целом соответствует датировке памятника, однако является значительно более узкой для каждого захоронения, содержащего те или иные компоненты кладов.

Анализ соотношения сходных вещевых материалов из могильника у с. Глиное и из кладов демонстрирует два ключевых момента: 1) так называемые «странные» комплексы Северного Причерноморья принадлежат скифам; 2) большинство из кладов было депонировано в 111-11 вв. до н. э., хотя при этом нельзя исключать дату I в. до н. э. для некоторых из них. В настоящее время любое другое решение проблемы представляется маловероятным.

В завершении необходимо подчеркнуть проблему, которая возникает, но не может быть решена на основании данных, полученных при исследовании могильника у с. Глиное. Как уже указано, хроноиндикаторы ограничивают верхнюю границу функционирования памятника третьей четвертью II в. до н. э. Таким образом, для более чем сотни лет (последней четверти II - I в. до н. э.) ни в Степном Поднепровье, ни в Северо-Западном Причерноморье в настоящее время нет известных археологических памятников, оставленных и функционировавших в это время. Сокращение этого интервала в ходе дальнейшего изучения хроноиндикаторов могильника у с. Глиное крайне маловероятно, поскольку раскопки памятника завершены. По-видимому, решение этой задачи будет заключаться только в новых полевых исследованиях, подразумевающих поиск скифских памятников, более поздних по сравнению с могильником у с. Глиное. Перспектива этих работ основана на простом факте существования скифской культуры в I в. до н. э. в Добрудже, Нижнем Поднепровье и Крыму при уже подчёркнутом отсутствии сарматских памятников в это время. Внушает осторожный оптимизм информация о том, что поселение у с. Чобручи в Нижнем Поднепровье, расположенное неподалёку от могильника у с. Глиное, функционировало, на основании эпиграфических материалов, по крайней мере, до перво-

¹⁵ См. статьи С. В. Полина и Е. Г. Карнауха, а также А. В. Дедюлькина в настоящем сборнике.

го десятилетия I в. до н. э.¹⁶ Более значимыми являются данные археологических разведок на левобережье Нижнего Днестра, в ходе которых был открыт очень крупный могильник. Подъёмный материал, собранный на этом памятнике, как будто свидетельствует о том, что захоронения на нём совершались, в том числе, и в I в. до н. э. Если раскопки могильника покажут достоверность предварительных данных о его хронологии, то появится возможность открыть ещё одну крайне малоизвестную страницу истории Северного Причерноморья.

Литература

Алексеев, 1992 - Алексеев А.Ю. Скифская хроника (Скифы в VII-IV вв. до н. э.: историко-археологический очерк). СПб. Петербургкомсгат. 206 с.

Алексеев, 2003 - Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб. Изд-во Государственного Эрмитажа. 416 с.

Андрух, 1994 - Андрух С.И. Малая Скифия в Добрудже // Древности скифов (отв. ред. Е.В. Черненко). Киев. Препринт. С. 144-157.

Андрух, 1995 - Андрух С.И. Нижнедунайская Скифия в VI - начале I в. до н. э. (этнополитический аспект). Запорожье. Днепровский металлург. 207 с.

Бидзиля и др., 1977 - Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П. Курганный могильник в уроч. Носаки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки (Предварительная публикация) (отв. ред. Б.И. Бидзиля). Киев. Наукова думка. С. 61-158.

Бруяко, 1999а - Бруяко И.В. От диорамы к панораме (О перспективах на пути решения проблемы северопонтийского кризиса III в. до Р.Х.). // Stratum plus. № 3. Скифский квадрат. С. 325-332.

Бруяко, 1999б - Бруяко И.В. Очерки экономической истории населения Северо-Западного Причерноморья в 7-3 вв. до Р.Х. Волжск. Волжская городская типография. 212 с.

Бруяко, 2009 - Бруяко И.В. От Скифии к Сарматии: десять лет спустя // Stratum plus. № 3. 2005-2009. Скифские интерпретации. С. 329-370.

Виноградов и др., 1997 - Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. № 3. С. 93-103

Евдокимов, 1992 - Евдокимов Г.Л. Скифский курган у с. Львово на Херсонщине // ДСПК. III. С. 136-148.

Евдокимов, Фридман, 1991 - Евдокимов Г.Л., Фридман М.И. Курганы скифского времени у с. Первомаевка на Херсонщине // Курганы Степной Скифии. Сборник научных трудов (отв. ред. Ю.В. Болтрик, Е.П. Бунятян). Киев. Наукова думка. С. 72-97.

Бокга, 1977 - Бокш Н.М. Раскопки кургана у верхів'ях басейну Тясмина // Археологія. № 22. С. 65-73.

Гуляев, 1969 - Гуляев В.И. Зооморфные крючки скифского периода // МИА. Вып. 151. Население Среднего Дона в скифское время. С. 109-127.

Зайцев, 2007 - Зайцев Ю.П. Комплекс из Гэвани (к проблеме хронологии III в. до н. э.) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Мат-лы Междунар. науч. конф. Ч. 2 (отв. ред. В.Ю. Зуев). СПб. Изд-во Государственного Эрмитажа. С. 258-268.

Зайцев, 2008 - Зайцев Ю.П. Вотивные клады Северо-Западного Причерноморья III-I вв. до н. э. Хронология и

культурная принадлежность // Древнее Причерноморье. Вып. VIII (глав. ред. И.В. Немченко). Одесса. «Фридман А.С.» С. 146-152.

Иевлев, 1989 - Иевлев М.М. Роль географического фактора в истории Скифии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. Всесоюз. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения профессора Б.Н. Гракова. I (отв. ред. Ю.Г. Виноградов). Запорожье. Коммунар. С. 54-55.

Кривенко и др., 2011 - Кривенко А.В., Синика В.С., Тельнов Н.П. Случайные находки III-II вв. до н. э. с Левобережья Нижнего Днестра // Stratum plus. № 6. Памятники материи и духа. С. 41-45

Крыжицкий и др., 1989 - Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. Киев. Наукова думка. 240 с.

Кубышев, Саенко, 1991 - Кубышев А.И., Саенко В.Н. Скифский курган у города Геническа // ДСПК. II. С. 153-156.

Куприй, 1993 - Куприй С.А. Курганная группа у с. Новомихайловка // Археологія та історія дослідження Херсонщини. Збірка наукових праць (вип. ред. В.М. Асламов). Херсон. Препринт. С. 31-41.

Куприй, 1994 - Куприй С.А. О некоторых особенностях скифских погребальных памятников Присивашья // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. Междунар. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения профессора Б.Н. Гракова. II (отв. ред. Г.Н. Тогцев). Запорожье. Запоріжжя. С. 106-107.

Куприй, 2009 - Куприй С.А. Оригинальные погребальные сооружения скифского времени из Присивашья // ССПК. Мат-ли конф. «Проблеми сьуфо-сарматсько! археологі Швшчного Причорномор'я» (до 110-річчя з дня народження В.М. Гракова). XV (гол. ред. П.П. Толочко). Запоріжжя. Вид-во Запорізького національного університету. С. 85-89.

Мелюкова, 1962 - Мелюкова А.И. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И.Я. и Л.П. Стемповских) // МИА. № 115. Памятники скифо-сарматской культуры. С. 114-166.

Мелюкова, 1989 - Мелюкова А.И. Краткие сведения об истории скифов // Археология СССР. Степи европейской части в скифо-сарматское время (отв. ред. А.И. Мелюкова). М. Наука. С. 33-35.

Мозолевський, 1979 - Мозолевський Б.М. Товста Могила. Київ. Наукова думка. 252 с.

Мордвинцева, 2001 - Мордвинцева В.И. Декоративные пластины из Бубуча // РА. № 2. С. 108-114.

Ольховский, 1991 - Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н. э.). М. Наука. 256 с.

Ольховский, 1999 - Ольховский В.С. О поясных крючках эпохи раннего железа // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова) (отв. ред. П.П. Толочко). Запорожье. Изд-во Запорожского государственного университета. С. 182-187.

Папанова, 2006 - Папанова В.А. Урочище Сто могил - некрополь Ольвии Понтийской, Киев. Знання України. 278 с.

Парович-Пешикан, 1974 - Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев. Наукова думка. 220 с.

Плешивенко, 1991 - Плешивенко А.Г. Скифский курган у Белозерского лимана // Курганы Степной Скифии. Сборник научных трудов (отв. ред. Ю.В. Болтрик, Е.П. Бунятян). Киев. Наукова думка. С. 53-72.

¹⁶ См. статью М.И. Ивагценко в настоящем сборнике.

Полш, 1984 - Полин С.В. Про сарматське завоювання Швччного Причорномор'я // Археолопя. № 45. С. 24-33.

Полин и др., 1994 - Полин С.В., Тупчиенко Н.П., Николава А.В. Курганы верховьев Ингульца. Вып. 3. (Курганы у с. Головкивка, Звенигородка и Протопоповка). Кировоград. Препринт. 95 с.

Редина, 1989 - Редина Е.Ф. Погребальный обряд скифов Днестро-Дунайских степей // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. Сборник научных трудов (отв. ред. Т.П. Самойлова). Киев. Наукова думка. С. 25-34.

Редина, 1993 - Редина Е.Ф. Классификация фибул из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского археологического музея (отв. ред. С.Б. Охотников). Одесса. Гортитопография Одесского управления по печати. С. 50-52.

Редина, 2000 - Редина Е.Ф. К вопросу о формировании Тираспольской группы скифских памятников // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья (материалы полевого семинара) (отв. ред. Е.В. Яровой). Тирасполь. РИО ПГУ. С. 28-30.

Савченко, 2004 - Савченко Е.И. Вооружение и предметы снаряжения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН (отв. ред. В.И. Гуляев). М. Гриф и К. С. 151-277.

Самойлова, 1988 - Самойлова Т.П. Тира в VI-I вв. до н. э. Киев. Наукова думка. 124 с.

Сергацков, 2009 - Сергацков И.В. «Клад» II в. до н. э. из окрестностей станицы Качалинской // РА. № 4. С. 149-159.

Синика, Алемша, 2000 - Синика В.С., Алемша А.Н. Женские погребения с оружием позднескифского могильника у с. Глиное // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья (материалы полевого семинара) (отв. ред. Е.В. Яровой). Тирасполь. РИО ПГУ. С. 43-46.

Синика, 2004а - Синика В.С. К вопросу о хронологии памятников Тираспольской группы // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Мат-лы II Судакской междунар. науч. конф. Ч. I (отв. ред. Н.М. Куковапская). Киев - Судак. Академперіодика. С. 110-113.

Синика, 2004б - Синика В.С. Конь в погребальном обряде на могильнике позднескифского времени у с. Глиное // СП ІІІ. XI. С. 237-239.

Синика, 2011а - Синика В.С. К вопросу о семантике конских погребений на скифском могильнике III-II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Археолопя і давня кторія Украши. Виц. 5. Археолопя: вцджерел до реконструкцш (гол. ред. П.П. Толочко). Кшв. Дшпрокварц. С. 119-124.

Синика, 2011б - Синика В.С. О латенском влиянии на материальную культуру скифского могильника III-II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Древность: историческое знание и специфика источника. Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского. Вып. V (отв. ред. А.С. Балаханцев, Г.Ю. Колганова). М. Научно-издательский отдел Института Востоковедения РАН. С. 184-187.

Синика, 2012 - Синика В.С. О греческом влиянии на погребальный обряд и материальную культуру скифского

могильника III-II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Человек в истории и культуре. Вып. 2. Мемориальный сборник материалов и исследований в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора Владимира Никифоровича Станко (отв. ред. А.А. Пригарин). Одесса. СМІЛ. 2012. С. 268-270.

Синика и др., 2012 - Синика В.С., Тащи Е.Ф., Тельнов Н.П. Четвериков И.А. Поселение Красное на левобережье Нижнего Днестра // Stratum plus. № 3. Эллинизм и иранство. С. 187-215.

Черненко, 1967 - Черненко Е.В. Скифские курганы на Никопольщине (раскопки 1961 г.). // ЗОАО. Т. II (35). С. 179-191.

Четвериков, 2002 - Четвериков И.А. Варварское население левобережья Нижнего Днестра во второй половине III в. до н. э. (попытка этнополитической реконструкции Тираспольской группы) // Северное Причерноморье: от энеолита к античности (сборник научных статей) (отв. ред. Н.А. Кетрару). Тирасполь. С. 234-245.

Четвериков, Синика, 2002 - Четвериков И.А., Синика В.С. Катакомбы II типа в Тираспольской группе // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. - V век н. э.). Мат-лы III Междунар. науч. конф. (отв. ред. Е.В. Яровой). Тирасполь. Типар. С. 299-305.

Четвериков, Синика, 2009 - Четвериков И.А., Синика В.С. Скифский курган конца III в. до н. э. у с. Чобручи на левобережье Нижнего Днестра // ССПЖ. Мат-ли конф. «Проблемы оафо-сарматської археології Швччного Причорномор'я» (до 110-рччя з дня народження Б.М. Гракова). XV (гол. ред. П.П. Толочко). Запоржжя. Вид-во Запорзького національного ушверситету. С. 204-212.

Шкадышек, 1910 - Шкадышек М. Описание раскопки кургана в окрестностях города Тирасполя, произведенной подполковником Шкадышек 18 июля 1909 г. // ЗООИД. Т. XXVIII. С. 92-94.

Яровой и др., 1997а - Яровой Е.В., Четвериков И.А., Субботин Л.В. Новый курганный могильник скифской культуры в Нижнем Поднестровье // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Сборник научных статей Междунар. археологич. конф. (отв. ред. С.Б. Охотников). Одесса. Ветаком. С. 251-255.

Яровой; и др., 1997б - Яровой Е.В., Четвериков И.А., Субботин Л.В. Погребальный обряд скифского курганного могильника у с. Глиное (по данным раскопок 1995-1997 гг.) // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимодействия античной и варварских культур (мат-лы полевого семинара) (отв. ред. Е.В. Яровой). Тирасполь. РИО ПГУ. С. 14-19.

Яровой, Четвериков, 2000 - Яровой Е.В., Четвериков И.А. К вопросу о культурной принадлежности памятников Тираспольской группы (в свете исследований могильника у с. Глиное) // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья (мат-лы полевого семинара) (отв. ред. Е.В. Яровой). Тирасполь. РИО ПГУ. С. 3-28.

Yarovoy and otli., 2000 -Yarovoy E.V., Chetverikov I.A., Sinika V.S. The barrow cemetery of late scythian time on the territory along the Dnister River // Funeral practices as forms of cultural identity (Bronze and Iron Ages). Abstracts. Tulcea. Editura Institutului de Cercetari Eco-Muzeale., С. 77-79.